

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕРИХОВ И ЕВРАЗИЙСТВО

С.Ю. Ключников, Москва

Я хотел бы рассказать о взаимосвязи, взаимопересечении и взаимовлиянии двух крупнейших направлений русской и мировой мысли и духовной культуры – философского наследия Рерихов и евразийства.

Несмотря на различие этих двух течений – евразийцев как школу исторической мысли русской эмиграции интересовали прежде всего геополитические, историко-культурные, этнические и социальные стороны взаимодействия России и Востока, а Рерихов – и религиозно-философские, – между этими направлениями существовала тесная связь. Елена Ивановна Рерих в своих письмах очень сочувственно цитировала слова одного из виднейших евразийцев – Петра Николаевича Савицкого о том, что богиня культуры из равнин Европы уходит к холмам Азии. Понятие Евразии широко упоминалось в трудах и Николая Константиновича и Юрия Николаевича Рерихов. Россия рассматривалась ими как особый ареал со своей неповторимой исторической судьбой.

Существовали прямые контакты сотрудников рериховских организаций в Праге и Париже с евразийскими кружками. И, наконец, Юрий Николаевич Рерих сам был одним из крупнейших представителей евразийской школы. Он находился в дружеских отношениях и переписке с тремя основными евразийскими мыслителями – Георгием Вернадским, сыном нашего знаменитого академика, историком, жившим сначала в Чехословакии, затем в Соединенных Штатах, а также с Петром Савицким и Николаем Трубецким.

Основателями евразийского движения, зародившегося сразу же после революции, были несколько молодых эмигрантов, переживших тяжкий период политических потрясений и проанализировавших причины, суть и пути преодоления революционного кризиса. Они объединились во временный творческий коллектив и начали издавать свои сборники и труды: "Утверждение евразийцев", "Исход к Востоку", "На путях". Основанное ими книгоиздательство стало весьма заметным явлением русского зарубежья.

К наиболее ярким представителям евразийства принадлежали географ Петр Савицкий, богослов Лев Карсавин, лингвист и филолог Николай Трубецкой, правовед Николай Алексеев, богослов Георгий Флоровский. Как объединение евразийство существовало примерно десять с лишним лет. Но идеи отдельных мыслителей продолжали разрабатываться до последних десятилетий нашего века. В Америке последователем евразийцев был Г.В.Вернадский, в нашей стране – Лев Николаевич Гумилев. В свое время он сидел в мордовском лагере вместе с Петром Савицким, от которого и воспринял эти идеи, воплотив их впоследствии в своей доктрине этногенеза и пассионарности. Он ставил перед собой задачу соединить идеи академика В.И.Вернадского с его учением о ноосфере с идеями Вернадского-сына, написавшего огромный шести томный труд по истории России и Европы.

Евразийцы исходили из того, что Евразия есть особый континент на территории планеты, который они называли Хартлендом – сердцем мира, определяющим движение мировой истории. И если Евразия – это сердце мира, то Россия, в свою очередь, является сердцем самой Евразии. Они считали, что путь, которому должна следовать Россия, – есть особый исторический путь, объединяющий в себе и восточное и западное направления культуры, но особый акцент делали на связях России с Востоком. Внимательно изучая события русской истории, они пришли к выводу, что периоды наибольшего расцвета России приходились на времена максимального сближения с Востоком. Даже татаро-монгольское нашествие, несмотря на причиненные им разрушения, в конце концов дало нам сильную государственность и вывело Россию из состояния раздробленности на широкую дорогу мировой истории. Если духовное наследие Русь получила от Византии, то геополитическое – в большей степени от монгольской империи Чингисхана. Наиболее благоприятным периодом развития России, по их мнению, был период Московского царства XV-XVI веков. Именно тогда максимально проявились самобытные черты русской культуры. Именно тогда была сформулирована концепция Москвы – Третьего Рима, которая помогла России избежать последствий насильственной латинизации и отстоять истоки своей национальной веры.

Когда же Россия сближалась с Западом, она терпела в результате этого фиаско. Периоды духовного заболевания России разрушительными западными влияниями – это прежде всего события смуты, связанные с польской интервенцией, с расшатыванием идеи государственности и православной веры. Это раскол, который произошел в XVII веке после реформ Никона, сделанных им с явной оглядкой на Запад, с заимствованием греческих форм обрядности и богослужения. К реформам Петра евразийцы относились достаточно сложно, видя, что реформы эти во многом разрушили самобытный российский уклад и превратили Россию в некое космополитическое государственное образование. В революции 1917 г. они видели не азиатский лик, а предельное развитие западопоклонничества, предельный европеизм и увлечение западными марксистскими идеями. Поэтому, считали они, наиболее оптимальный вариант развития России – это постепенный отказ от западничества в сфере духа. У Запада необходимо учиться техническим идеям, моментам, связанным с внешним благоустройством жизни, но заимствовать сам западный материалистический, меркантильный, прагматический дух было бы для России величайшим разрушением и катастрофой. В этом они солидарны с русской общественной мыслью, которая еще со времен славянофилов, Данилевского, Константина Леонтьева утверждала, что в Азии наши истоки в большей степени, чем в Европе. Азия близка России по напряженности своего религиозного чувства, утверждали евразийцы. Нам необходимо учиться трепетному и бережному отношению Востока к своим национально-духовным корням.

XX век вверг мир в процесс интенсивного товарообмена, привел к ситуации, при которой выигрывают страны, осуществляющие этот товарообмен по морским путям, – и это прежде всего островные англосаксонские страны. Страны же материкового, континентального типа не имеют возможности так быстро осуществлять этот товарообмен и в случае интеграции их в мировое хозяйство оказываются наиболее географически и экономически обездоленными. Такого рода обездоленным государством может оказаться прежде всего Россия, если она будет быстрым путем бездумно интегрироваться в так называемую мировую цивилизацию.

Евразийцы были убеждены, что страны островного типа намеренно стремятся ослабить Евразию, сердце мира, поскольку западная геополитическая экономическая мысль разработала доктрину, по которой тот, кто владеет Хартлендом, владеет ключом к мировому господству. Поскольку страны островного типа не могут овладеть этой территорией, так как ее невозможно завоевать, то в таком случае, считают они, пусть этой территорией не владеет никто. Отсюда – традиционная английская, а позднее – американская политика разжигания сепаратистских конфликтных взаимоотношений между народами Евразии. Подобному обороту дел необходимо противопоставить политику дружбы, географического и экономического взаимодействия народов Евразии – только так можно сохранить себя в поле единой мировой экономики и политики.

Евразийство – течение русской историософской мысли, которое является "третьим путем". Его последователи не были поклонниками сугубо "белого движения", настаивавшего на реставрации монархии, и не были тем более поклонниками "красной идеи". В то время, как большинство эмигрантских течений готовы были сражаться против безбожных Советов, евразийцы считали это наиболее бесплодным путем. Лишь путь постепенного эволюционного превращения тоталитарного советского режима в режим более мягкий, менее идеализированный и более духовный является наиболее эффективным. Как и евразийцы, Рерихи видели будущее России не в копировании западного атеизма, прагматизма и цивилизации. Они видели Россию на путях особой, самобытной и в то же время универсальной культуры. Как и Рерихи, евразийцы считали, что на духовном пути Российского государства и народа не следует "упиваться" ядом недавнего прошлого. Пропускание через собственную психику каких-то ошибок и сосредоточивание на них пагубно для общего развития.

Евразийцы пытались видеть будущее России опирающимся на период Московского царства XV-XVI веков. Революцию они рассматривали как уже свершившийся "геологический факт".

Россию можно строить только с учетом этого факта, на этом фундаменте, постепенно изменяя внутреннюю и внешнюю политику страны, ее духовную культуру, но ни в коем случае не разрушая этот фундамент, что привело бы к неминуемым бедствиям. Необходимо сочетать принципы охранения национальных устоев и традиций с началами обновления определенных внешних сторон. Будущее России они видели в таком строе, который называли идеократией – правлением идеи. Когда сейчас раздаются голоса, что нужно деидеологизировать развитие государства, то за этой деидеологизацией тоже стоит определенная идея. Ни одно государство никогда не развивалось без какой-либо идеи. Известны римская идея, идея вечного города, лежавшая в основе благополучия и могущества Римской империи; прусская милитаристская идея германского государства; английская идея парламентаризма и прав человека; французская республиканская идея... Все эти идеи дали процветание тому или иному государству и обществу. С точки зрения евразийцев, такого рода идеей для России является идея "государства правды". Они считали необходимым разделить понятия правового государства и государства правды. Правовое государство, исповедующее формальные демократические принципы без устремления к этическим началам, нередко с формально правильной точки зрения освящает весьма несправедливо творимые дела. Напротив, за государством правды, вводящим начало совести, этически духовное измерение в свои законы, в свою атмосферу, они видели будущее. Идеократия – государство, подчиняющее земной уклад жизни началу вечному, нравственному, религиозному. Именно религиозная идея, теократическая, в конечном счете, – это идея решающая, но к ней народы должны прийти добровольно, без всякого насильственного принуждения. Они считали также, что надо разделить истинно народное государство от формального демократического.

Между индивидами, людьми существуют органические естественные связи. Скажем, в России такого рода связью, соединяющей коллективы людей и всю страну в целом, была община. Это органически вырастающая из жизни подлинно народная основа бытия.

Для России евразийцы видели такой путь, который основан именно на народном единстве, а не на искусственном образовании, рассекающем тело народа на политические партии. Будущее России – это сильная власть, не тоталитарная, но основанная на духовном авторитете. Здесь опять-таки определенное пересечение с представлениями Рерихов о духовном Вожде, руководстве без всякого насилия, на духовных принципах.

Представляется, что евразийство в каком-то смысле близко Рериховской философской мысли не только общим признанием особой роли Востока в судьбах России, но и конкретными разработками в области государственного строительства, геополитики, экономики – области, которая называется обустройством России. Если Рериховское наследие дает общие духовные магистральные векторы подобного развития и для индивидуума, и для страны, то евразийство во многом конкретизирует, преломляет эти идеи на определенном историческом материале. Евразийцы так же, как и Рерихи, считали, что в России завязаны главные узлы мировой истории, и от того, какой путь изберет Россия, во многом зависят судьбы мира. Поскольку западная цивилизация зашла в тупик и добровольно из него выйти не сможет – очень трудно отказаться от комфорта, – России в этом отношении легче отказаться от чисто технократического пути, ибо ей, как и 70 лет назад, трудно что-либо потерять, кроме своих цепей.

Духовное наследие Рерихов близко евразийству и по тому значению, которое придается отдельным азийским зонам России. Ведь Учение Рерихов содержит в себе такой пласт, который можно назвать сакральной географией. Она говорит о священности тех или иных территорий, особой роли, которую будут играть, скажем, районы Алтая, Кавказа или Сибири как некоторые узловые центры будущей культуры. И евразийство, и наследие Рерихов – это учения патриотические; но это такой патриотизм, в котором идея территории, земли преобладает над этническим происхождением. Примат территории, самой земли, примат общегосударственного целого – такой патриотизм присущ России. И евразийство, и Рериховское наследие особое значение придают не только духовным и небесным началам жизни, но и идее земли.

Это, как известно, одна из стержневых идей русской культуры. Например, одна из работ Глеба Успенского так и называется – "Власть земли". Елена Ивановна Рерих говорила о необходимости припадания к ней для обновления сил и для духовного развития. Человек должен прочно стоять на земле и как индивид, и как гражданин. И Рерихи, и евразийцы считали, что очень важно сильное государственное целое, неделимость государства. Е.И.Рерих в 20-30-е годы писала, что раздел России означал бы конец всего мира, поскольку именно Россия несет на себе бремя удержания мирового равновесия. Евразийцы, следуя православной традиции, также считали, что Россия выполняет именно эту удерживающую роль, которая определяется древнегреческим понятием "котихон" – удерживающий. До тех пор, пока Россия сохранится как целое, наступление мирового хаоса и мирового зла не будет возможным. Е.И.Рерих считала, что путь на Восток связан с почитанием Византии: "Через Византию нам грезилась Индия". И я думаю, что это надо понимать, как в историческом, так и в духовном плане, – ведь Византия, как известно, дала исихазм, эзотерическое христианство, культуру безмолвия, мощную духовную практику, которая затем была принята Россией и стала составным элементом русской святости. Византия как раз тоже была евразийской державой. Когда я читал труды Ю.Н.Рериха, поначалу мне было не совсем понятно, почему в них такое большое внимание уделяется вопросам кочевнической культуры, вопросам рождения и распада древних империй, но потом стало ясно, что в этом историческом примере Ю.Н.Рерих с его гениальными прозрениями видел много поучительного для будущего России. Неделимость ее как государственного целого у Рерихов была связана и с тем, что, как видно из писем Е.И.Рерих к Рузвельту, большие государства, организованные не тоталитарным, а более человеческим образом, несут в себе меньшее зло, чем значительное количество лоскутных, конфликтующих между собой образований. Елена Ивановна писала, что Великим Учителям легче руководить и осуществлять водительство больших единых народов, чем народов раздробленных и враждующих, поскольку здесь больше действующих волей, больше хаоса и трудно привести все это к общему знаменателю.

А человечество рано или поздно должно прийти к духовной семье, к общине, которая, будучи общечеловеческим единством, сохранит в себе национальные автономии.

Рериховское Учение простирается, конечно, неизмеримо дальше геополитических и исторических воззрений ортодоксальных евразийцев. Это космическое Учение вводит духовное измерение в идею Евразии и по своей сути лежит за пределами земных мер. Тем не менее взаимодействие этих двух направлений мысли чрезвычайно плодотворно.

В это трудное время мы не можем всесторонне не размышлять о том, как реально обустроить Россию.